

Плодово-выгодное

— Александр Андреевич, мы без вас не справимся. — Адвокат Узалов заговорил нервным шепотом. — Мы с Мией в растерянности.

Иманали Узалов, для меня просто Али, и его помощница были настоящими бриллиантами адвокатуры Дагестана. Спокойные в этой нервной профессии, с аналитическим складом ума и мгновенной реакцией, самоироничные специалисты много лет назад были переманены мной из Махачкалы. И чтобы они (!) с чем-то не справились? Такого еще не было...

По дороге в переговорную коллега продолжал бормотать нечто не очень понятное:

— Шеф, моего черножопого ума не хватает, чтобы оценить предложение. Может, в этом что-то есть, а может, это бред сумасшедшего. Только вам решать...

В переговорной находились две женщины: любимица всей коллегии Мия с пылающими отчего-то щеками и незнакомая брюнетка лет тридцати. Девушки при моем появлении встали. Кажется, что даже от картин в переговорной исходило напряжение.

— Что привело вас в этот скромный дом? — начал я беседу после того, как нас представили.

— Я бы в скромный дом не пришла, — твердым голосом объявила Лена. — У вас тут настоящий музей, хотя я пришла не за красотами. Уверена, что вы слышали о банке моего гражданского мужа, но пока я не хочу давать точных деталей, если позволите.

Я согласно кивнул. «Оно мне надо — знать банк ее мужа? Оно мне сто лет не надо», — как сказали бы в Одессе.

— Мы прожили вместе четыре года. Была сумасшедшая любовь, но расписаться все как-то было некогда. Наконец пару месяцев назад его посадили.

«Какой неожиданный оборот гражданского брака, однако!» — подумал я и опять кивнул: в нашей стране это бывает. Видно, у парня не было денег ни на отъезд, ни на работу со следствием...

— Вот уже несколько месяцев мой дорогой находится в «Матросской Тишине». И он, конечно, будет осужден. Получит по полной...

— Вы хотите, чтобы мы его защищали?

— Я?! Да никогда в жизни! Он же самый умный, нанял идиотов и считает, что если они делают то, что он им говорит, то все будет хорошо. Нет, нет... Какой срок он получит — уже не имеет значения. Результат будет один и тот же...

— В смысле?

— В смысле — его на зоне убьют. Сто процентов. Там, в банке, столько денег пропало, да еще и у таких людей, что его точно убьют. А швейцарские банкиры никогда не выдадут деньги, пока он в заключении. Это обязательное условие.

— Понимаю, понимаю. Такой параграф часто встречается в договорах. Банки хотят быть уверенны, что клиент пере-

вел деньги по собственной воле. Но все это в том случае, если у вас нет доверенности. У вас она есть?

— Нет. Он у меня очень скрытный и сложный «пассажир». Даром что сирота. Если позволите, я продолжу. Так вот, собственно, что мне нужно... как вам объяснить? Прежде всего я не могу попасть к нему на свидание в тюрьму. Нет печати в паспорте. С точки зрения следователя (а это он дает разрешения на свидание), мы никто друг другу. И потом, даже если бы дали свидание — это еще не факт, что... Только отнесите, пожалуйста, серьезно. Для меня это очень, очень важный вопрос. Мне нужно забеременеть! Причем от него и ни от кого другого!

Мия и Али, сидящие по бокам, переглянулись и внимательно уставились на меня. Видно было, что эту историю они слушают второй раз за последние полчаса. И второй раз от нее обалдевают.

— Кажется, я начинаю понимать ход ваших мыслей. Поправьте меня, если я не прав. Ваш «гражданско-уголовный» муж по каким-то причинам не хочет вступать с вами в официальный брак. Вы нашли документы, номер счета, банк и точно знаете, сколько он спи****, простите, в смысле — сколько там средств. Однако денег вам не увидать никогда, а если ваш ненаглядный двинет кони по тем или иным причинам, банк вам ничего не даст. Ни завещания, ни права на наследство. Полный пролет, как фанера над Женевой или над Цюрихом, смотря где банк. А ребенок — прямой наследник. Генетическая экспертиза это подтвердит. И тогда вы будете распоряжаться детскими деньгами до его или ее совершеннолетия. Прав?

— Да. — Девушка смотрела на меня прямо, не моргая. Как покойник в морге.

— Можно узнать, за что мы боремся? Сколько на счету?

— Можно. Двести миллионов долларов.

С двух сторон от меня нервно сглотнули дагестанскую слюну.

— Мне нужно, чтобы вы объяснили ему, что я его люблю и хочу от него ребенка. Скажите ему, что я... Ну, в общем, что вас учить. Только о счете в швейцарском банке ни слова. Я знаю, вы сможете его уговорить.

— А «доить» биологический материал будет начальник тюрьмы? И как вы будете уверены, что авторство «надоя» не принадлежит какому-нибудь Заде Урдубердыеву, которого взяли за «зад» с наркотиками?

— Я думала об этом.

— Это хорошо. Потом расскажете. А вынести эту штуку как? Там же обыскивают. Или вы хотите, чтобы Мия взяла пару уроков у Анжелы Ермаковой? Помните историю с теннисистом Борисом Беккером? Когда наша девушка самооплодотворилась после орального...

— Александр Андреевич! — запротестовала коллега, первый раз за десять лет перебив меня при клиенте.

— Протест принят, — успокоил я Мию. — Ей еще замуж выходить. Кто ее возьмет в Махачкале с полным ртом? Может, адвокат Узалов заменит Мию?

— Деньги, конечно, хорошие, — протяжно отозвался Али. — Но боюсь, не справлюсь. Лучше какую-нибудь коллегу привлечь. У нас есть способные люди, Александр Андреевич?

— Видите? Даже лучший адвокат коллегии не берется за... за ваше дело.

— Я думала, вы сможете получить разрешение на посещение будущего отца врачом. У меня есть один, и я ему абсо-

лютно доверяю. Что же касается коллеги, которую вы можете найти, господин Узалов, то в лучшем случае для меня она сама отсосет за такие деньги, а в худшем — просто забеременеет. Я что, не знаю женскую натуру? Ничего личного, извините...

Мы взяли паузу на обдумывание, и будущая регентша удалилась.

— Сто процентов — она его сама грохнет, если забеременеет, — со знанием женского дела сообщила нам Мия, когда клиентка ушла.

Остаток дагестанской диаспоры нашей коллегии с выводами Мии согласился.

«Умер-шмумер, лишь бы был здоров!» — говорили когда-то в Одессе. И мы решили все-таки сходить в тюрьму к будущему покойнику втроем.

...Перед нами сидел худощавый молодой человек с ироничным взглядом. В комнате для встреч следователей и адвокатов уют отсутствовал. Между нами находился стол, привинченный к полу. На середину стола мы поставили пластиковую банку с красной крышкой. Молчание в комнате после объяснения причин прихода новых адвокатов висело уже довольно долго. Банкир смотрел то на нас троих, то на контейнер... и ничего не говорил.

Первой не выдержала Мия.

— Владимир Николаевич, вы будете драть или что?

— Не получится без художественных фильмов или хотя бы картинок, — ответил донор.

— У меня с собой «Литературная газета», — заметил я. — Но там только портрет Крупской. А, вот на второй странице еще Валентина Ивановна Матвиенко на трибуне. Подойдет что-нибудь?

Бывший банкир отрицательно покачал головой.

— Не понимаю, зачем это делать, когда я могу скоро выйти. Мне обещали...

Зная из первоисточника обстоятельства дела, Мия, Али и я тактично задумались. В конце концов, мы же не его адвокаты.

Узалов решил зайти к «жениху» с другой стороны. В хорошем смысле слова.

— Представляете, вы выходите через несколько лет, и вас встречает ваша суженая с уже готовым ребенком. Кормление, бессонные ночи, режущиеся зубки — все позади...

«...Детский сад, школа, институт тоже...» — улыбнулся я про себя.

— А вдруг это будет не мой ребенок?

— Ваш, ваш! Сто процентов! — закричали мы хором.

Владимир Николаевич удивленно посмотрел на нас. Действительно, со стороны складывалось такое впечатление, что через полчаса после получения биоматериала мы лично, еврейско-дагестанским трио, будем производить посадку в переговорной коллегии адвокатов «Александр Добровинский и партнеры» на большом гранитном столе.

— Не знаю, не знаю... Вы меня не возбуждаете. Извините.

По нашим лицам нельзя было сказать, что кто-то из нас обиделся.

Я предложил попробовать сделать искомое начинание и «кончание» более естественным путем, например на домашнем аресте. Мне это показалось логичнее.

Проговорив еще минут сорок, мы ушли с пустой банкой, но с активной позицией Владимира, желавшего переехать из «Матросской Тишины» на Пречистенскую улицу.

Нам понадобилось чуть больше месяца, чтобы поменять клиенту швейцарского банка меру пресечения. Это было сложно и дорого... но чего не сделаешь ради демографии в родном отечестве!

За пару дней до последнего «Прости» обжитым нам у меня состоялся сложный разговор с будущей мамой.

— Если что, вы же сможете его обратно упечь?

— Послушайте, мы же договаривались, что я вам устрою только возможность совокупиться с живой или дохлой пробиркой. На этом мои обязанности заканчиваются.

— А если он не сядет и не женится?

— Тогда вам надо забеременеть во время оглашения приговора. Прямо в зале суда.

— Как это?

— Да шучу я, господи! За две-три недели будет достаточно. А там решите сами. Но знаете: я противник абортот. А теперь извините, но наша миссия закончена.

Девушка пыталась что-то еще мне сказать, но я поспешно удалился. В этой истории адвокат Добровинский не возбуждал Владимира Николаевича, а они оба — меня.

Довольно быстро я потерял всякий интерес к этому делу. Али и Мия иногда интересовались происходящим у общих знакомых. Следствие, а затем и сам процесс шли довольно долго. И даже был какой-то приговор. Наверное... Я уверен.

Но однажды около «Кофемании» на Никитской меня окликнул забытый голос:

— Александр Андреевич! Как вы? А я слежу за вами только через Tatler. Часто вас вспоминаю. Недавно читала ваш рассказ про то, как жена отравила мужа, когда он со-

брался ее бросить и оставить без денег. Очень смеялась. Все вспоминала наши разговоры.

— А что с вашей затеей?

— Ой, вы знаете, ужасно. Этот идиот погасил, как это называется... ущерб, полностью. Понимаете? Полностью! И получил шесть лет условно. В швейцарском банке остались две жалкие копейки. Теперь от всех дел у нас маленький ресторанчик в Бибирево. Правда, ребенок родился таааакой классный, просто на радость нам всем. А, вы не поверите, я вообще-то к вам собиралась. Недавно нашла еще документы: оказывается, когда он был богатым, то застраховал свою жизнь на пять миллионов долларов. Это, конечно, не двести, но ведь можно подумать, что с этим делать? Я зайду на днях?

В это время подъехала моя машина и благополучно перекрыла движение общему потоку.

Я, извинившись, юркнул в открытую дверь, на ходу крикнув: «Может, все-таки к Горенштейну? Хороший адвокат, специализируется на water cases», и со вздохом облегчения плюхнулся на сиденье.

Все-таки мокруха («water cases» — авторский перевод) — явно не мое. Вот если кому надо забеременеть — это, пожалуйста, это ко мне...

Поймать на мормышку

— Александр! Спроси у этого мудака, он ловит на мормышку?

Кому надлежало задать этот тонкий вопрос, я знал точно. А вот как перевести «мормышка» на любой другой известный мне язык — ставило меня в тупик.

Я — это двадцатилетний парень с веселыми глазами и хорошим французским. Любопытствующий господин, которого волнует судьба некой «мормышки», — приемщик огромного заказа, размещенного Советским Союзом во Франции под названием «ГАЗОДЮК», а один из собеседников — хозяин крупнейшего французского конгломерата, семейного предприятия, целой империи, куда входят банки, сталелитейные заводы, шахты и еще всякая муть, о которой я и не догадывался в ту пору.

За три дня до этого мне позвонила моя приятельница переводчица Зинка и сообщила шепотом, что заболела. Я слегка обомлел от страха, так как до этого дня не болел ни разу, и на всякий случай сказал, что у меня пока все в порядке. Зина-переводчица шепнула в ответ, что я клинический идиот, так как она простудилась и потеряла голос, а то, что было два месяца назад, надо забыть. И вообще она любит своего мужа, чудного человека, бухгалтера по на-

циональности и француза по профессии, хоть он и старше ее в два раза, а я, скотина, с тех пор не позвонил ни разу. Но дело не в этом.

У нее была договоренность с французской компанией на большой переводческий подряд с советскими инженерами-приемщиками. Первый спец уже уехал, а сейчас в Париже находился главный технарь. Французы сказали, что его надо ублажать, холить и лелеять, так как от него зависят несколько сотен миллионов франков капиталистической наживы. И если он подпишет всю приемку, французы осящаствятся так, что всем будет потрясающий «о-ля-ля» в виде серьезного бонуса.

Короче, могу ли я ее заменить, при этом заработать кучу денег и ее благодарность после выздоровления, не смотря на то, что я сволочь и скотина. Кое-какие аргументы в этом предложении были весьма убедительны, и я согласился.

Советский инженер Петр Засуля оказался симпатичным голубоглазым парнем 35–40 лет в сером костюме фабрики «Красная швея» и зеленом свитере, который, очевидно, до Финской войны связала крючком его бабушка своему папе. Узел галстука развязке не подлежал, и поэтому за годы пота приобрел траурный оттенок. Какого цвета на самом деле был галстук, сказать трудно. Но ка-а-а-ак Петр разбирался в технике! Французы ахали и дрожали, боясь, что Засуля в конце концов сделает им «козулю», а не приемку их дорогостоящего оборудования...

В конце второго дня изучения чертежей и каких-то огромных железак в трехстах километрах от Парижа, меня пригласили в святая святых — кабинет хозяина.

Холеный маркиз (со сложной фамилией типа Мудэ де ля Ло), в летах, с орденской ленточкой в петличке элегантного костюма, начал с ходу коррумпировать переводчика, то есть меня. Однако бывший министр де Голля явно просчитался со своими тонкими ходами. Не тут-то было, так сказать, не на того напал. Вопрос цены был ни при чем. Вышла неувязочка...

Дело в том, что несмотря на свой юный возраст, надо отдать мне должное, по принципиальным соображениям коррумпироваться я готов был сразу и без этих французских выкрутасов. В мою задачу входило уговорить Петю все подписать, рассчитаться с ним и уже потом наслаждаться собственными спелыми плодами сочного подкупа. Маркизет был непохож на трепло...

В ответ на мое предложение поставить свою подпись везде где только можно, Петр посмотрел на меня внимательно, отхлебнул пива «Кроненбург» и сказал:

— Будет дорого стоить...

— До фонаря, — ответил я. — Как в том анекдоте: грузин передаст билет. Так вот, представь, что я — «передает». Ты мне говоришь — я передаю маркизке.

— Мне нужен магнитофон «Акаі», японской сборки, с большими бобинами, стоячий, коричневого цвета. Понятно? Иначе хрена лысого с завитушками! — сказал он и победоносно откинулся на плетеную спинку стула местного кафе, с видом, ясно говорящим окружающим: «Нас просто так не возьмешь...»

— Вы далеко пойдете, молодой человек, — подняв тонкую удивленную бровь, заметил мне президент корпорации через полчаса. — Ваш бонус резко увеличивается. Сегодня

же приступим к подписанию, а то все наши банковские кредиты горят синим пламенем...

До конца рабочего дня мы наподписывали тонны каких-то бумаг, а к вечеру переехали в столицу. На следующий день мы опять продолжили чего-то подписывать.

После того как все было закончено, президент компании поинтересовался, в каком ресторане г-н Zaslavia, хотел бы сегодня вечером отпраздновать столь плодотворную работу.

— Только в русском. Я их лягушек и улиток с тараканами жрать не намерен, — ответил приемщик инженер Засуля. — Короче, в «Максиме», в нашем. Где магнитофон, едреньть?

Объяснять, что «Chez Maxim's» никогда не был русским рестораном, мне было лень, и мы договорились, что я заеду за Петром в его гостиницу на бульваре Распай около шести часов вечера.

Вечнозеленый в своем пожилом крючкотворном свитере, Петр встретил меня холодным гневом:

— Обманули, суки! Нет магнитофона. Но ничего. Я им в ресторане сейчас дам просрать.

Я весьма реалистично представил себе эту картину, и мы поехали на rue Royal.

Президента компании в «Максиме» знали очень хорошо. Для нас был заказан большой стол: Хозяин с супругой, два главных заместителя, банкир, финансировавший сделку, со спутницей под видом племянницы и мы с Петей.

Приемщик был очень расстроен капиталистической подлостью и действительно решил отомстить за бесплатную продажу Родины. Пальцевый выбор отмщения прощастал